

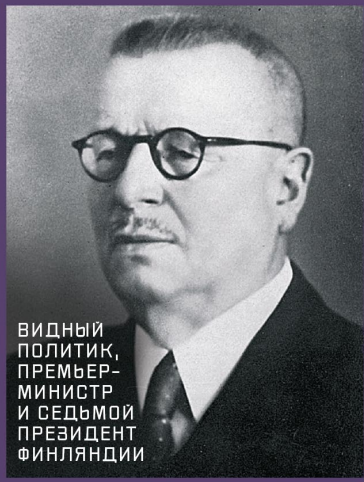

ВИДНЫЙ ПОЛИТИК, ПРЕМЬЕР-МИНИСТР И СЕДЬМОЙ ПРЕЗИДЕНТ ФИНЛЯНДИИ

ЮХО КУСТИ ПААСИКИВИ

ВОСПОМИНАНИЯ РУКОВОДИТЕЛЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В СССР О МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРАХ ДВУХ СТРАН ПОСЛЕ ЗИМНЕЙ ВОЙНЫ

МОЯ МОСКОВСКАЯ МИССИЯ

1939/1941

Юхо Кусти Паасикиви

Моя московская миссия. Воспоминания руководителя национальной делегации в СССР о мирных переговорах двух стран после Зимней войны 1939–1941

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72973957
Моя московская миссия. Воспоминания руководителя национальной делегации в СССР о мирных переговорах двух стран после Зимней войны 1939— 1941 / Паасикиви Ю.К., Пер. с нем. Е.А. Мордашёва: Центрполиграф; Москва; 2026
ISBN 978-5-9524-6541-1

Аннотация

Юхо Паасикиви, глава финской делегации на переговорах 1939 года в Москве, в своей книге описал попытки предотвратить войну и преодолеть укоренившееся недоверие к СССР. Юрист и дипломат, избранный в 1946 году президентом Финляндии, рассказал о конфиденциальных беседах

и совещаниях с руководством Советского государства незадолго до подписания мирного договора, завершившего Зимнюю войну, продемонстрировав, насколько драматической и захватывающей может быть политика.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Введение 7
Часть первая 26
Глава 1 26
Глава 2 33
Глава 3 56
Конец ознакомительного фрагмента. 76

Юхо Кусти Паасикиви
Моя московская миссия. Воспоминания руководителя национальной делегации в СССР о мирных переговорах двух стран после Зимней войны 1939–1941

JUHO KUSTI
PAASIKIUI
MEINE MOSKAUER MISSION

1939–1941

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2026
© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2026

Введение

За пятьдесят лет национальной независимости Финляндия трижды оказывалась на краю пропасти. Но каждый раз благосклонная судьба дарила этой стране спасителя от беды – генерала, победившего внешнего врага, народного вождя, победившего врага внутреннего, и государственного деятеля и дипломата, спасшего финский народ от его собственного ослепления.

Первым спасителем Финляндии из беды стал Маннергейм, вторым – Таннер, третьим – Паасикиви. Значение Паасикиви для его страны – и, как мы полагаем, не только для его страны – становится понятным лишь на фоне двух его предшественников.

Генерал, впоследствии маршал, барон Карл Густав Эмиль фон Маннергейм, швед по происхождению, офицер Российской Императорской гвардии, по традициям и наклонностям был первым главнокомандующим Финляндии. В так называемой Войне за независимость (1917–1918 гг.) он при поддержке немецких частей под командованием генерала фон дер Гольца сорвал попытку финских и русских коммунистов превратить Финляндию в Российскую Советскую Республику. Хотя сама Красная армия в эти бои не вмешивалась и победы Маннергейм одерживал прежде всего над финскими «красногвардейцами», то есть своими соотечественниками,

истинным противником в этой гражданской войне был великий восточный сосед.

Такое название России – старинный финский обычай. Отчасти в нем – поддельное уважение, отчасти – боязнь «называть дьявола своим именем».

Еще одно название этого «дьявола» – традиционный враг!

В 1917–1918 годах необходимости «рисовать дьявола на стене» не требовалось. Он был вполне реален. Победа «красных» лишила бы страну только что обретенной национальной независимости. Военный опыт Маннергейма как царского генерала в Первой мировой войне и храбрость его добровольческих частей помешали этой победе.

Независимость Финляндии удалось спасти, но дорогой ценой: в стране началась охота на всех «красных». Этот террор омрачил победы над «внешним внутренним врагом» на поле боя. В течение многих лет он отравлял политическую атмосферу и поддерживал враждебность между «белыми» и «красными».

Тем не менее решение в пользу Финляндии как независимого государства и против Финляндской Советской Республики было принято – раз и навсегда. Отныне даже для проигравших в гражданской войне финских рабочих настоящей столицей был уже не Петербург и не Москва, а Хельсинки. Маннергейм также спас их от участи – хотели они этого и благодарили его или нет – стать советскими гражданами.

Однако роль Маннергейма как защитника страны от

внешних бедствий этим не исчерпывалась. Благодаря его настойчивым советам и предложениям была укреплена ахиллесова пята Финляндии – открытая граница на юго-востоке. Поперек Карельского перешейка была создана цепочка бункеров и противотанковых заграждений, так называемая линия Маннергейма. Она была закончена лишь наполовину и была далеко не так прочна и современна, как хотелось Маннергейму, когда разразилась Вторая мировая война.

В этой войне финская армия под командованием Маннергейма воевала дважды: в 1939–1940 и 1941–1944 годах. Первый раз для отражения русского нападения, второй – чтобы вместе с гитлеровским вермахтом вернуть то, что Финляндия потеряла в первой войне, и по возможности отвоевать и присоединить Восточную Карелию.

В первом случае Маннергейма можно обвинить, что он не сделал больше для сохранения мира (пойдя на оправданные уступки Сталину), а во втором – что сделал слишком много, чтобы война стала возможной (пойдя на слишком большие уступки Гитлеру). Но как бы строго или снисходительно ни судили политические ошибки Маннергейма, они свойственны не только ему. Их с ним разделяло подавляющее большинство финского народа.

Это касается и войны-продолжения, как принято называть второй финско-русский конфликт. Слишком глубоко в сердцах финнов было ощущение поражения 1940 года, а боль из-за понесенных в результате территориальных потерь

слишком велика.

Перед лицом таких чувств поблекли даже опасения по поводу «братства по оружию» с Гитлером.

В этих двух войнах Маннергейм проявил себя и как полководец. Он одержал блестящие победы над значительно превосходящим противником. Но что еще более важно, успел, пока не стало слишком поздно, понять, что войну выиграть невозможно. К счастью для Финляндии, Маннергейм не принадлежал к тому клану воинов, которые скорее пожертвуют своей страной, чем своей полководческой славой.

В победах и поражениях он во второй раз спас свою страну. Его мужество в поражении принесло ему множество горьких упреков: со стороны соотечественников, не осознавших серьезности положения, и со стороны союзников, полных решимости продолжать борьбу – до последнего финна. В 1940 году это были англичане и французы, в 1944-м – немцы.

Маннергейм никогда не был особенно дружелюбно настроен к Германии. Его симпатии были больше на стороне других западных держав. Как союз с фон дер Гольцем (1917–1918), так и союз с Гитлером (1941) были для него «браком по расчету». Тем не менее как для офицера старой закалки и страстного противника коммунистов ему вряд ли за всю его жизнь приходилось принимать столь тяжелое решение, как изгнание из Финляндии немецких товарищей по оружию, а при необходимости их расстрел, как того требовал Договор

о перемирии 1944 года.

Ситуация в Финляндии в 1944 году чем-то напоминала ситуацию в Пруссии 1812 года. В обоих случаях стоял вопрос, кому следует сохранять верность – союзнику-узурпатору, чья звезда закатывалась, или своей стране. «Предательство» Маннергеймом Гитлера было не предосудительнее, чем отступничество генералов Йорка и Дибича от Наполеона. Если бы Финляндия продолжила боевые действия или не выполнила соглашение о перемирии, то проиграла бы. Приказав обратить оружие против собственных союзников, Маннергейм спас свою страну как от победившего врага на востоке, так и от врага этого врага на юге, полного решимости продолжать безнадежную борьбу.

Социал-демократ Вяйнё Таннер имел очень мало общего с маршалом Финляндии, вплоть до языка. Для Маннергейма родным был шведский, для Таннера – финский. Кроме того, Маннергейм всю свою жизнь был правым, даже крайне правым, а Таннер – левым. Во время Гражданской войны 1917–1918 годов он был одним из красных, то есть врагом Маннергейма в военном, а не только политическом смысле. Когда в апреле 1918 года немецкие военно-морские орудия обстреляли штаб-квартиру финских социал-демократов в Хельсинки, Таннер мог оказаться среди жертв бомбардировки. В этом случае история Финляндии пошла бы по другому пути: либо Финляндия, несмотря на все победы Маннергейма, со временем стала бы коммунистической, либо го-

дами жила бы в состоянии латентной гражданской войны. Во внутреннем мире страна нуждалась так же, как и во внешнем мире. И человеком, который принес ей этот мир, победив внутреннего врага без применения силы оружия, был Таннер.

Тонкий шведский высший класс Финляндии, в руках которого находилась большая часть экономической власти, был одновременно классовым и национальным врагом финских рабочих. Ненависть к «эксплуататорскому классу», таким образом, исходила из двух источников: социального и национального. Если бы финские рабочие и мелкие земледельцы, шведские помещики и богатые граждане не имели бы общего врага в лице России, открытая война, вероятно, разразилась бы еще до 1917 года.

Хотя внешне гражданская война положила этой борьбе конец, разрешение социального и национального конфликтов, грозивших развалом нации, отодвинулось дальше, чем когда-либо прежде. В течение многих лет в Финляндии существовало то, что коммунисты называют «революционной ситуацией». Сторонники революционного решения социального вопроса по русскому образцу (хотя и не обязательно с помощью России) составляли среди финских рабочих большинство. Также у них были более известные и опытные вожди. Единственным влиятельным умеренным профсоюзным лидером был Вяйнё Таннер. Долгое время шансы на то, что ему удастся примирить рабочих с буржуазией и «бе-

лым» генералом Маннергеймом и вывести их на путь парламентской демократии, казались минимальными. Но Таннер не опускал рук. Он вступил в схватку с радикалами и после многих лет упорной борьбы за душу финского рабочего в конце концов одержал победу.

Таннер был хорошим оратором, но больше, чем доводами, он убеждал людей своим непоколебимым спокойствием, личным мужеством и данной от природы властностью. Этот народный трибун из числа финских фермеров не просто убеждал, он впечатлял. Даже его оппоненты неохотно оказывали ему уважение, когда он, как скала в огне, выдерживал нападки радикалов на партийных собраниях и часто даже вступал в рукопашную. Случалось, он хватал нарушителей спокойствия за шиворот и собственноручно выгонял их из зала.

Таннеру не удалось привлечь на свою сторону всех левых финнов. Но он не позволил им броситься в объятия Коминтерна и повел революционеров по пути реформ и парламентской демократии. Два крыла старой социалистической или, как ее еще называли, социал-демократической партии превратились в две партии: социал-демократов и коммунистов. Таннер был бесспорным лидером социал-демократов.

Коммунисты упорствовали в своей старой революционной программе. Они бойкотировали выборы в парламент Финляндии и продолжали лелеять идею прихода к власти «через баррикады». Инструкции они продолжали получать

из Москвы и от Коминтерна. Особенно после запрета партии в 1924 году. Нелегальное положение любой коммунистической партии делает ее лояльнее к Москве. Когда перестают поступать членские взносы, оплачивает счета и устанавливает курс – Москва! Так финские коммунисты лишились возможности найти «свой путь к социализму».

В течение 20 лет нелегального существования коммунистическая партия Финляндии практически стояла на месте. Лишь после ее повторной легализации в 1944 году диалог между «баррикадными» и «парламентскими» коммунистами смог развиваться свободно.

В 1948 году под впечатлением от переворота чешских товарищей финские коммунисты вновь попытались применить насилие. Однако попытка сорвалась, и не в последнюю очередь потому, что министр внутренних дел – коммунист Лейно, на которого возлагали надежды революционеры, сам разуверился в революции. И ему больше не хотелось идти на баррикады.

Тем не менее потребовалось еще 18 лет (почти столько же, сколько партия была запрещена), прежде чем финским коммунистам снова разрешили войти во власть. Весной 1966 года лидер социал-демократической партии Рафаэль Паасио принял в свое правительство трех коммунистов, или народных демократов, как они стали себя называть. Западные политики и газеты увидели в этом «левый поворот» Финляндии. На самом деле это был поворот коммунистов вправо,

причем самый значительный со времени ссоры с социал-демократами и запрета коммунистической партии 40 лет назад.

Избирательный бюллетень восторжествовал над баррикадами, реформа – над революцией.

Для Финляндии обуздание коммунистов является событием не менее важным, чем успешная борьба Таннера с радикалами в 1920-х годах и после повторной легализации коммунистов в 1940-х. Этот поворот ультралевых вправо, которого сам Таннер не увидел, сделал его победу над «внутренним врагом» полной.

Однако сам Таннер так не считал. Как только он провел разделение между коммунистами и социал-демократами, ему оставалось только одно: уничтожение своего противника. Ни во внутреннюю трансформацию коммунистов, ни в примирение или перемирие с врагом внутри собственного дома он не верил. Тяжелые бои в первые годы существования Финской Республики навсегда оставили в нем след. И свои чувства к отечественным коммунистам он перенес на Советы и их вождей.

Они искренне ответили на его чувства взаимностью. Когда в 1944 году Финляндии во второй раз пришлось просить мира, они потребовали, чтобы Таннера предали суду как «пособника войны». Во имя мира это желание Советов было исполнено. Но пять лет, которые Таннер провел в тюрьме как «военный преступник», не сделали его снисходитель-

нее к коммунизму – как внутреннему, так и внешнему.

После освобождения он вновь окунулся во внутриполитическую борьбу, причем с такой непримиримостью и напористостью, что это едва не привело к распаду его собственной партии. Противники Таннера в рядах социал-демократов учредили собственную партию после того, как стало очевидно, что ни свергнуть Таннера, ни сдержать его антикоммунистический пыл невозможно. Большинство членов партии осталось верным Таннеру, но при этом практически исключило себя из власти. Сторонники Таннера в правительстве создали бы слишком большую напряженность в отношениях с Советским Союзом. Только смерть Таннера спасла его дело от опасности быть уничтоженным им самим.

Весной 1966 года преемник Таннера Рафаэль Паасио предложил коммунистам (народным демократам) три места в своем правительстве. Когда некоторое время спустя Хельсинки посетил его советский коллега Косыгин, он демонстративно протянул ему руку примирения и пригласил с ответным визитом в Москву. Смертельная вражда между большевиками и меньшевиками в Финляндии была похоронена или, точнее, трансформировалась в демократическое согласие и сосуществование.

Пессимисты скажут: это иллюзия, потому что даже в демократической овечьей шкуре коммунист остается коммунистом. Именно так говорил и думал на протяжении всей своей жизни Таннер. В этом вопросе он был непоколебим

до упрямства. Пока коммунисты стремились к власти силой, упрямство Таннера выполняло функцию сохранения государства. В отрыве от этой задачи оно стало проблемой. Таннер никогда не считал, что коммунизм можно ненавидеть больше необходимого. Это не умаляет его заслуг в том, что он в нужный момент правильно поступил и спас свою страну от внутренней угрозы.

Однако победы Таннера и Маннергейма над внутренними и внешними врагами были бы напрасны, Финляндия была бы сегодня Советской республикой или народной демократией, если бы глаза финскому народу на самого себя не открыл Паасикиви.

Как два национальных поэта Финляндии Рунеберг и Топелиус в 1808 и 1809 годах воспевали войну против России – героически, пафосно и с наивным патриотизмом, – так на протяжении поколений финны видели самих себя и свои отношения с «восточным соседом».

Ни один народ не лишен национального самомнения. Оно варьируется от «безобидной» ксенофобии до убежденности в своей «избранности». Если народ понимает свою национальную самобытность как дополнение к многообразию человечества, то в этом нет ничего плохого. Но если он хочет быть избранным не *вместе с другими,* а перед другими, или даже кем-то одним, то вступает на путь гордыни пред падением.

Нет на земле народа без этого греха, но и нет народа,

возлюбившего *того,* кто его в этом грехе обвиняет. Финны не исключение из этого правила. «Проповедника покаяния» Паасикиви не слушали – до самого последнего часа!

Сам Паасикиви был настолько финном, насколько это вообще возможно. Он даже в возрасте 17 лет, уже после смерти отца, отказался от своей шведской фамилии Хелльстен и заменил ее или перевел как Паасикиви. Потому что Паасикиви означает то же, что и Хелльстен, а именно – «камень». Неплохое имя для человека, который и в хорошие, и в плохие времена твердо стоял обеими ногами на почве реальности и внешне и внутренне напоминал кусок древней финской скалы.

Паасикиви родился 27 ноября 1870 года в деревне недалеко от промышленного города Тампере. Учился в средней школе в Хямеэнлинне и изучал историю и право в Хельсинки. В 33 года был директором департамента министерства финансов, а в 44 – генеральным директором одного из крупнейших коммерческих банков Финляндии – Национального акционерного банка.

Еще студентом он живо интересовался политической жизнью тогдашнего Великого княжества Финляндского. Писал статьи для консервативной газеты «Ууси Суометар» (впоследствии «Ууси Суоми») и дружил с лидерами «старых финнов»[1]. Эта партия, несмотря на все трудности

[1] Старые финны – финская партия перед Первой мировой войной, проводившая по отношению к России политику примирения. *(Здесь и далее, если не ука-*

с правительством в Петербурге и российскими властями в стране, всегда выступала за разумный компромисс с Россией. Она хотела вести переговоры, а не сражаться.

Паасикиви оставался «старым финном» на протяжении всей своей жизни. Когда его обвинили в слишком глубоком понимании русской точки зрения, он сказал: «Мой характер заставляет меня видеть все с обеих сторон».

Большинство финнов не хотели об этом слышать. Тот, кто не ненавидел всей душой представителей царской власти, не был в их глазах патриотом. Паасикиви тоже возмущали постоянные нарушения царским правительством закона, и мысль, что Финляндия может быть «русифицирована», то есть стать русской провинцией, управляемой из Петербурга, была для него невыносима. Но он просто понимал, что ненависть – это не политика, особенно когда ты слабее.

В мае 1918 года Паасикиви стал членом первого свободного финского правительства, которое два года спустя отправило его в Дерпт для переговоров о мирном договоре с Советским Союзом. Мир был заключен, но финская общественность была разочарована. Она считала, что Восточную Карелию также следовало «освободить», то есть отобрать эту провинцию у ослабленных революцией и интервенцией Советов. Не в последнюю очередь из-за этой критики Паасикиви за ведение переговоров в Дерпте он в последующие годы почти полностью отошел от активной политики и с энергией

зано иначе, примеч. пер.)

и успехом посвятил себя работе директора Национального акционерного банка. В 1934 году в возрасте 64 лет он вышел в отставку.

В межпартийную борьбу он вмешался лишь однажды, когда консерваторам, пришедшим на смену «старофиннам», грозила опасность быть поглощенными финскими правыми радикалами, «людьми Лаппо».

В 1936 году финское правительство попросило отставного менеджера банка поехать посланником в Стокгольм. Паасикиви в течение трех лет успешно занимал этот важный для Финляндии дипломатический пост, пока не получил от своего правительства телеграмму, изменившую его жизнь. С этой телеграммы начинается эта книга.

Из нее читатель узнает, как в 1939–1941 годах было «на самом деле». Узнает от участника событий и человека, которому не нужно ничего скрывать или приукрашивать потому, что за него говорят факты, и потому, что события последовательно доказали его правоту. Тот, кто хочет знать, как делается политика, хорошая и плохая, и кто хочет научиться отличать одну от другой, найдет в Паасикиви несравненного учителя.

Паасикиви переносит читателя на самые тайные совещания и позволяет ему принять участие в самых конфиденциальных беседах. Для него не закрыта ни одна дверь или сейф. Но также он позволяет читателю заглянуть в мастерскую своих мыслей, взвесить доводы и контрдоводы, делится своими

надеждами и сомнениями.

Поэтому нам не кажется преувеличением утверждать, что со времен «Государя» Макиавелли не написано лучшего учебника по политике. Книга уникальна своей непосредственностью. А если говорить о честности, то в сравнении с «Московской миссией» Паасикиви мемуары других государственных деятелей кажутся рекламной брошюрой рядом с реальным товаром.

Кроме того, читатель, которого Паасикиви берет с собой в свои поездки в Москву, узнает, насколько драматичной и захватывающей может быть политика.

Заметки Паасикиви, из которых в Финляндии опубликована лишь часть, не утратили свежести и актуальности за прошедшие со дня смерти автора годы.

Паасикиви никогда не скрывал того факта, что учился у Бисмарка, для него Бисмарк был образцом для подражания как мыслитель, а не как политический практик. Интерес к Бисмарку проснулся еще у молодого студента-историка, но даже пожилым государственным деятелем он любил цитировать слова Бисмарка об AugenmaB[2] как важнейшем качестве политика. Он всегда употреблял это немецкое слово.

И все же было бы совершенно неверно называть Паасикиви «финским Бисмарком». С одной стороны, «государственное разумение» великой державы отличается от «государственного разумения» малой страны (что не обязательно

[2] Умение оценивать ситуацию *(нем.)*.

говорит в пользу великих держав), с другой – как политику демократической эпохи Паасикиви гораздо больше, чем Бисмарку, приходилось считаться с общественным мнением, с «человеком с улицы». Объяснение пределов возможного во внешней политике «человеку с улицы» было самой большой проблемой Паасикиви, даже более серьезной, чем разъяснение финской точки зрения людям в Москве. Как бы он ни относился к общественному мнению в своей стране, для проведения успешной внешней политики его он использовать не мог. Однако, чтобы сделать то, что должно было быть сделано, ему пришлось плыть против течения общественного мнения, пока наконец ему не удалось придать этому течению другое направление. Тем самым он «спас финский народ от него самого».

Опубликованные в этой книге заметки Паасикиви заканчиваются летом 1941 года, когда Финляндия во второй раз вступила в войну против Советского Союза. Воспоминания описывают попытки Паасикиви дважды предотвратить войну – и заканчиваются его поражением.

Личный успех пришел к Паасикиви только после второго военного поражения Финляндии в 1944 году. После которого там наконец отреклись от самих себя и снова вспомнили о нем, передав ему – в ноябре 1944 года – правительство.

Задача, поставленная перед ним, была сверхчеловеческой. Целью было преодолеть глубоко укоренившееся недоверие к Советам и вселить в свой народ новую веру в буду-

щее. Паасикиви, которому было за семьдесят, без колебаний взялся за эту задачу. Он не боялся никаких рисков и «экспериментов». Он взял в свое правительство коммунистов и отказал американцам, когда они предложили ему план Маршалла.

Вряд ли какая-либо страна Европы нуждалась в этой помощи так остро, как Финляндия! Ей пришлось иметь дело не только с причиненным войной материальным ущербом, включая снабжение, компенсацию и размещение 400 тысяч переселенцев с потерянных в войне с Россией территорий, ей также пришлось выплатить победителю несколько сотен миллионов долларов военных репараций. Кроме того, разгорелись опасные для страны трудовые споры, в которых коммунисты и социал-демократы пытались перещеголять друг друга требованиями заработной платы, не думая о стабильности валюты. Ситуация вряд ли могла быть серьезнее, и, к счастью, в Финляндии также был первоклассный экономист Паасикиви, который в течение 20 лет возглавлял крупный коммерческий банк. Экономическое чудо, которого Финляндия достигла после Второй мировой войны – заметьте, без помощи американского плана Маршалла! – не стоит бояться сравнивать с политическим чудом Паасикиви.

В марте 1946 года Маннергейм ушел с поста президента по состоянию здоровья, и его преемником был избран Паасикиви. Сначала парламентом на последние годы легислатуры Маннергейма, а потом в 1950 году на 6 лет финским на-

родом. В Финляндии президент имеет больше власти, чем глава правительства. Его положение аналогично положению американского президента.

Паасикиви был президентом Финляндии 10 лет – с 1946 по 1956 год. Когда в 1956 году должны были состояться новые выборы, он больше не хотел баллотироваться, но был снова выдвинут буржуазными партиями в качестве кандидата, противостоящего Урхо Кекконену, человеку от Аграрной партии, которого осуждали как слишком «просоветского». Голоса коммунистов разделились между социал-демократом Фагерхольмом и аграрием Кекконеном. Для них Паасикиви был и остался «буржуазным». Кекконен был избран в третьем туре с преимуществом в один голос. Паасикиви выбыл уже во втором туре голосования.

Но это последнее «поражение» Паасикиви оказалось удачей. Он привел к власти человека, который из всех финских политиков обладал наилучшей квалификацией для продолжения своего дела. Уже после десяти лет президентства Кекконена в финской политике говорили не только о линии Паасикиви, но и линии Паасикиви – Кекконена. Однако в первые годы своего правления Кекконен столкнулся с такими же трудностями и таким же сопротивлением «общественного мнения», как некогда Паасикиви.

Паасикиви дожил до того момента, когда его политика принесла плоды. Советы простили Финляндии часть военных репараций (1952) и вернули Финляндии военно-мор-

скую базу Порккала (1955).

После возвращения Порккалы Паасикиви выступил с речью, в которой отчетливо чувствуется удовлетворение конечным успехом работы по финско-русскому примирению. «Мы отмечаем, – сказал он, – что политическая атмосфера по отношению к Финляндии очень благоприятна и симпатии (Советского Союза) велики. Но я также обнаружил, что финско-русские отношения рассматриваются и оцениваются с разумной и объективной точки зрения».

У Паасикиви наконец появилась возможность быть довольным Советами и своим народом.

Через год и три месяца после подписания договора о возвращении Порккалы, 24 декабря 1956 года, Паасикиви скончался.

Гёста фон Икскюль

Часть первая
Зимняя война

Глава 1
Подготовка в Хельсинки

Вечером 5 октября – я уже лег спать – мне позвонили из министерства иностранных дел в Хельсинки. В то время я находился в Стокгольме, где работал посланником. Мне задали вопрос, могу ли я приехать в Хельсинки на следующее утро. Я ответил «да». По телефону я не узнал, о чем идет речь. На следующее утро я вылетел в Хельсинки. Через несколько дней за мной последовала жена.

По прибытии я отправился к министру иностранных дел Эркко. Он зачитал мне телеграмму, отправленную накануне нашим посланником в Москве бароном Ирьё-Коскиненом. В ней содержался отчет о его беседе с народным комиссаром иностранных дел Молотовым.

Правительство Советского Союза, сказал Молотов посланнику, приветствует стремление финского правительства углубить политические и экономические связи между двумя странами. Учитывая изменившуюся в результате войны международную обстановку, Советский Союз также стре-

мился к обмену мнениями с финским правительством.

В ответ Ирьё-Коскинен пояснил, что финское правительство часто выражало желание улучшить политические отношения с Советским Союзом. Однако в последнее время на переговорах обсуждались только вопросы экономических отношений.

Молотов ответил, что сейчас речь идет об улучшении политических отношений. Конкретной темы переговоров Молотов не назвал, но сказал, что советское правительство надеется, что переговоры удастся начать как можно скорее. Он попросил правительство Финляндии дать ответ «по возможности уже послезавтра». Переговоры с Латвией и Литвой идут полным ходом и завершатся через несколько дней. Министр Эркко спросил меня, готов ли я поехать в Москву в качестве представителя правительства для ведения переговоров.

Только теперь узнав, в чем дело, я сразу понял, что ситуация серьезная. Однако насколько серьезная, я тогда еще не осознавал. Взяв сутки на размышление, я сообщил Эркко, что готов ехать в Москву.

С русскими я и раньше часто вел переговоры. Сначала в царские времена, потом при Временном правительстве 1917 года и, наконец, с вождями большевиков в 1920 году в качестве представителя финской делегации на мирных переговорах в Дерпте. Русский язык я выучил еще в молодости, студентом, и какое-то время жил в России, чтобы усо-

вершенствовать свои языковые навыки.

Следующие несколько дней прошли во встречах с министром иностранных дел и правительством по поводу составленных для меня директив. К ним я вернусь позже.

В те дни у меня также состоялись подробные беседы с фельдмаршалом Маннергеймом. В один из дней я обедал с ним и генералом Вайденом. Маннергейм, ощущавший бремя ответственности как председатель Совета обороны (и будущий главнокомандующий) и к тому же знавший, как опытный солдат, что такое война, был тогда и на протяжении всей осени глубоко обеспокоен. Он считал, что действовать следует осторожно и войны с Советским Союзом избегать. Из его слов явствовало, что на войну он смотрит пессимистично. Он неоднократно подчеркивал, что мы должны с уважением отнестись к требованиям безопасности России и, по возможности, их выполнять. Хотя Молотов говорил лишь об «обмене мнениями», Маннергейм опасался предъявления Финляндии ультиматума, аналогичного предъявленному Молотовым странам Прибалтики. Мы посмотрели на карте острова в Финском заливе, которые могли быть переданы Советскому Союзу, разумеется, за компенсацию.

Маннергейм также считал, что в Москву мне следует ехать как можно скорее, потому что, по его сведениям, русские начали переброску войск к нашей границе.

7 и 8 октября у меня также была возможность погово-

рить с бывшим президентом Свинхувудом[3], который случайно оказался в Хельсинки. Среди прочего мы думали, стоит ли Свинхуву ехать в Германию заручиться для нас дипломатической поддержкой. (Уезжая из столицы, я услышал, что одна газета в Хельсинки узнала от своего берлинского корреспондента, что Германия настолько поглощена собственной войной, что ничего не может для нас сделать.)

Однажды поздно вечером в отеле «Камп», где я остановился, меня посетил бывший премьер-министр, а затем посланник в Берлине профессор Кивимяки[4]. Он также был очень обеспокоен и подчеркнул, что мы не должны полностью отметать предложения русских, но должны с пониманием отнестись к их требованиям безопасности. Я с ним полностью согласился. Прощаясь, Кивимяки сказал: «Ты отправляешься в самое трудное путешествие в своей жизни». Он был прав.

8 октября министр Эркко беседовал с советским посланником Деревянским, который был «возмущен» промедлением с ответом Москве. Эркко ответил, что финское прави-

---

[3] Свинхувуд Пер Эвинд (1861–1944) был сослан в Сибирь с 1914 по 1917 г., был председателем сената в 1917–1918 гг., регентом рейха в 1918 г. и президентом Республики с 1931 по 1937 г. Принадлежал к консервативно-правым.

[4] Кивимяки Тойво Микаэль (1886–1968) – профессор гражданского права, занимал пост министра внутренних дел и министра юстиции в нескольких правительствах Финляндии; с 1932 по 1936 г. – премьер-министр, с 1940 по 1944-й – посол Финляндии в Берлине. В 1946 г. был приговорен к пяти годам тюремного заключения по делу о военных преступлениях. Принадлежал к консервативно-правым.

тельство ни в коем случае не медлило – ответ был отправлен сразу после окончания обсуждений. Следует отметить, что Ирьё-Коскинен разговаривал с Молотовым в четверг, 5 октября, и его телеграмма прибыла в Хельсинки в тот же вечер. Правительство Финляндии ответило в субботу, 7 октября. Беседа Деревянского и Эркко состоялась в воскресенье, 8 октября, всего через *три* дня после разговора с Молотовым. Деревянский также раскритиковал Финляндию за то, что она отреагировала на российское приглашение иначе, чем страны Прибалтики, что могло пагубно повлиять на ход событий. «Серьезность ситуации в мире требует скорейшего решения касающихся Финляндии и Советского Союза вопросов. Обладает ли Паасикиви достаточными полномочиями?»

Эркко ответил, что мои полномочия простираются настолько далеко, насколько это возможно в данных обстоятельствах. Я не мог принять никаких решений, поскольку дело было таким важным, что требовалось согласие правительства и парламента.

В ходе разговора Деревянский сказал: «Советский Союз желает, чтобы обстановка в регионе Балтийского моря сложилась таким образом, чтобы ни ему самому, ни соседним с ним странам не угрожала опасность быть втянутыми в войну». Советский Союз не намерен предпринимать ничего, что могло бы поставить под угрозу независимость и безопасность Финляндии. «Понимают ли в Финляндии важность переговоров? Нельзя ли изменить состав делегации?»

Деревянский не преминул отметить «успешные» переговоры со странами Прибалтики. Эркко: «Немыслимо, чтобы Финляндия согласилась на урегулирование, подобное тому, которое предусмотрено для этих стран». Наконец Деревянский спросил, когда я выезжаю. Эркко ответил, что скорее на следующий день, 9 октября.

Заявления Деревянского раскрыли планы Советского Союза на Балтийском море. Они стремились обеспечить Советскому Союзу сильную, даже доминирующую военную позицию в Балтийском море.

Во второй половине дня состоялось совместное совещание с президентом и правительством, на котором директивы были одобрены. После встречи у меня состоялся разговор с президентом Каллио. Он был обеспокоен и подавлен. Насыщенный событиями день завершился официальным визитом к посланнику Советского Союза. Наш разговор ограничился обменом обычными банальностями.

Я сел на ночной поезд в Москву. Меня сопровождали полковник Паасонен и советник Никопп. Оба ранее работали в посольстве в Москве и говорили по-русски. На вокзал меня сопровождал премьер-министр Каяндер. «Перед вокзалом, на вокзале и на перронах попрощаться с отъезжающими, собралась тысячная толпа, – писала газета „Ууси Суоми“. – На лицах людей читалась серьезность и ответственность момента, а также решимость и твердая воля». Толпа пела патриотические песни и хорал Лютера «Град крепкий – Бог наш!». В

заключение прозвучал гимн Финляндии. Это была чистая и искренняя любовь к родине, разбуженная суровой действительностью.

Глава 2
Ситуация 1939 года – директивы для переговоров

Я должен отметить, что отношения между Финляндией и Советским Союзом с самого начала нашей независимости были не такими, какими они должны были быть. Недоверие существовало с обеих сторон. После Дерптского мира 1920 года отношения были «нормальными», но неудовлетворительными. События 1918 года не стали благоприятной отправной точкой для хороших отношений. Во всяком случае, Финляндии не удалось сформировать их так, чтобы они соответствовали нашему положению соседа великой Советской державы. Причин для этого было несколько. С финской стороны существовало опасение, основательное или безосновательное, что Советский Союз, представляющий важнейшую внешнеполитическую проблему Финляндии, может поставить под угрозу нашу независимость. Трудности создавала и разность государственных и экономических систем двух государств, и различия идеологий, идеалов и народных обычаев. Взгляды на жизнь у нашего народа скандинавские, то есть существенно отличающиеся от взглядов народов Советского Союза. Если не считать угрожавшей нам с незапамятных времен русификации и стремления Рос-

сии к экспансии, сближение затруднял господствовавший в Советском Союзе агрессивный коммунизм. Мы опасались усилий Советской России, направленных на изменение нашей социальной системы. Поощряемая Советской Россией пропаганда, в которой активно участвовали эмигрировавшие туда финские коммунисты, как и осуществляемый Россией шпионаж, были направлены на поддержание нервозности и волнений в нашей стране. В результате наша позиция по отношению к восточному соседу стала слишком негативной.

Недоверие к нам испытывала и Советская Россия. Оно усилилось вместе с растущим страхом перед намерениями Германии, когда к власти там пришли национал-социалисты. Как это ни покажется непостижимым, но Кремль еще в 1935–1937 годах подозревал нас в заговоре, даже союзе с Германией с целью подготовки нападения Германии на Советский Союз через Финляндию и при ее участии с целью завоевания территории Восточной Карелии. Поэтому Советский Союз был вынужден укрепить границу с Финляндией и эвакуировать приграничное население. В 1937 году эти обвинения были предъявлены нам официально и Комиссариатом иностранных дел, и Высшим военным командованием Советского Союза. В ноябре 1936 года на Всероссийском съезде Советов влиятельный руководитель коммунистической партии Жданов выступил с речью, воспринятой граничащими с Советским Союзом малыми государствами

как предупреждение не предоставлять свои территории Германии в качестве опорных пунктов для нападения на Советский Союз. В сентябре 1937 года тогдашний посол США в Москве Джозеф Э. Дэвис, вероятно основываясь на слухах в московских кругах, заявил, что «можно с уверенностью предположить, что Финляндия будет союзником Германии, если Ленинград подвергнется нападению с севера». Однако после визита в Хельсинки и переговоров с премьер-министром Финляндии, министром иностранных дел и некоторыми членами правительства Дэвис написал в Вашингтон, что Финляндия намерена «сделать все, что в ее силах, чтобы ни в коем случае не превратить страну в поле битвы, что привело бы к уничтожению его политической и экономической свободы и его независимого процветания».

Особо отмечу, что это относилось уже к середине 1930-х годов, и необходимо вспомнить, каковы были тогда государственные отношения и государственные границы в Центральной и Восточной Европе. Однако в некоторых кругах (особенно среди молодежи) стали заметны чуждые реальности фантазии о Восточной Карелии и «Великой Финляндии». В защиту молодежи, однако, следует сказать, что эти плоды воображения основывались на столь настойчиво отстаиваемых Й.В. Снеллманом идеях, что части народа, говорящие на одном языке, рано или поздно должны будут объединиться.

Утверждение Снеллмана было одной из его многочислен-

ных полуправд. Но все же вопрос Восточной Карелии, хотя и был не имеющей под собой никакой реальной основы фантазией, нанес нам серьезный вред в наших отношениях с Советским Союзом. Он усилил недоверие к нам и вызвал в Советском Союзе больший резонанс, чем мы могли себе представить. Помимо прочего, события в Восточной Карелии после 1919 года описывались русско-советской пропагандистской литературой, которая продолжала способствовать разжиганию ожесточения и недоверия к нам. Тем не менее все это были всего лишь фантазии, которые доказывали, что люди в Советском Союзе не знали о финских условиях. Большинство финского народа думало только о сохранении своей независимости и защите собственной страны. Позиция России, вероятно, была также вдохновлена бежавшими в Россию финскими коммунистами. Кремль обвинил нас в сотрудничестве с Германией, хотя мы добросовестно следовали политике Лиги Наций и основывали на ней свою безопасность. Кроме того, хотя это и раньше уже было нашей политикой, мы в 1935 году совместным решением высших государственных органов торжественно пообещали придерживаться скандинавской политики нейтралитета. В 1937 году президентом был избран Каллио, а министром иностранных дел стал Холсти, наш представитель в Лиге Наций. В том же году Холсти совершил официальную поездку в Москву, цель которой было улучшение отношений с Советским Союзом и снижение возможной напряженности между двумя страна-

ми. В Финляндии на эту поездку возлагались некие надежды, но попытка не увенчалась успехом. Весной 1939 года мы отвергли предложение Германии о заключении пакта о ненападении, в результате чего вызвали недовольство Финляндией в Германии. Но в августе 1939 года Советский Союз и Германия заключили договор, по которому, как предполагалось и впоследствии выяснилось, в том числе и Финляндия передавалась в сферу влияния Советской России. В конце ноября 1939 года Советский Союз под защитой этого договора на нас напал. Нашу судьбу можно назвать поистине трагической.

События в Центральной Европе начали развиваться тревожным образом в 1938 году. Германия произвела аншлюс Австрии, но это можно было объяснить как меру по объединению этнического немецкого населения с целью создания общего национального государства. События в Чехословакии 1938–1939 годов были более опасными, поскольку объединение этой страны с Германией больше не оправдывалось немецкой национальной идеей, а показало гораздо более широкие устремления Германии.

Идеи немецкой национальности защищаются, поскольку раскрывают далеко идущие стремления Германии. Развивающийся исторический кризис отбрасывал тень.

В том же 1938 году Советская Россия довольно сенсационно обратилась к финскому правительству. В апреле советское посольство в Хельсинки связалось с тогдашним мини-

стром иностранных дел Финляндии и сообщило, что Москва убеждена, что следует ожидать далеко идущих планов нападения Германии на Советский Союз. Были опасения, что левый фланг немецкой армии может высадиться в Финляндии и оттуда начать наступление на Россию. Советское посольство спросило, как поведет себя в таком случае Финляндия. Также был поднят ряд других вопросов. Контакт поддерживался все лето и осень 1938 года, но никаких результатов не дал. Судя по всему, с нашей стороны вопрос не был должным образом решен. Когда в марте 1944 года я вместе с министром Энкелем обсуждал в Москве варианты мира, Молотов упомянул об этом контакте, который рассматривал как свидетельство, что советское правительство пыталось достичь с Финляндией соглашения. Тогда я об этих переговорах 1938 года ничего не знал, хотя эти знания были важны для оценки политической ситуации в последующий период. Только сейчас, когда это пишу, я получил о них больше информации. Эти переговоры 1938 года позволяют пролить свет на политику Советского Союза в отношении Финляндии и показать, насколько она была последовательной.

1939 год был для Финляндии периодом непрерывной угрозы, кульминацией которого стало нападение Советского Союза 30 ноября.

В начале года Россия продолжила начатые годом ранее переговоры и предложила уступить ей некоторые острова в

Финском заливе. Правительство Финляндии вести переговоры отказалось, что вызвало недовольство в Кремле. Когда весной 1939 года в Совете Лиги Наций обсуждался Аландский договор между Финляндией и Швецией, Советская Россия против него возражала, и дело провалилось, хотя державы, подписавшие Генеральное соглашение по Аландским островам 1921 года, с нашим предложением согласились, а Советский Союз по этому вопросу права голоса не имел. Реальный баланс сил оказался сильнее формального закона.

В конце зимы начались переговоры с Советским Союзом Англии и Франции. Они должны были коснуться и нас, поскольку Советский Союз требовал причислить нашу страну к числу малых государств, на которые должны распространяться гарантии великих держав. Это был опасный знак. Договор между западными державами и Советским Союзом заключен не был, потому что они с требованиями Советского Союза не согласились. Вместо этого 23 августа 1939 года Германия и Советский Союз заключили вышеупомянутый судьбоносный договор, о секретных положениях которого достоверных сведений не было.

А вот в Финляндии явно обеспокоены не были. Там проходили выборы в парламент, в ходе которых шли ожесточенные избирательные баталии, отметавшие всякие мысли о грядущей реальности. Из моего дневника от 24 июня 1939 года: «Люди оскорбляют друг друга. Люди спорят о

мелких внутриполитических вопросах, о том, какая партия больше сделала для сельского хозяйства и т. д. И это происходит именно сейчас, в то время, когда большие вопросы стоят у нашего порога, когда Россия хочет втянуть нас в свою сферу влияния! Наши жизненно важные вопросы обсуждаются в Москве. Речь идет о независимом статусе Финляндии. Но об этом, видимо, никто не думает. Это как в 1453 году, когда у стен Константинополя стояли турки, а в городе спорили о богословских догматах, пока турки не вошли в город и не выгнали спорщиков».

Наши отношения с Россией действительно вызывали тревогу. 28 июня 1939 года я писал частным образом из Стокгольма министру иностранных дел Эркко: «Один из важнейших вопросов нашей внешней политики состоит в том, можем ли мы каким-либо образом улучшить эти отношения (с Советской Россией) и, прежде всего, уменьшить недоверие между нами и Россией. Какое бы ни было наше мнение о России, факт остается фактом: мы не можем избежать ее соседства. Аландский вопрос достаточно ясно показывает, что факты могут оказаться сильнее, чем несомненное право, которое мы имеем как суверенное государство, особенно в этом случае, когда Советский Союз не имеет никаких прав, на которых он мог бы основывать свои возражения. Я все еще надеюсь, что нам удастся избежать участи эвакуации с Аландских островов. Однако доказательства того, насколько сильны реальные факты, неопровержимы. Это поднимает

вопрос, можем ли мы улучшить наши отношения с Россией и как это сделать. Разве это не достаточная причина серьезно подумать о том, что делать?»

17 июля 1939 года я написал из Стокгольма своему старому другу, лидеру социал-демократической партии и тогдашнему министру финансов Вяйнё Таннеру:

«Дорогой друг! Поскольку я от природы склонен воспринимать все чрезвычайно серьезно, то не могу отделаться от мыслей и день и ночь размышляю о наших внешнеполитических делах и нашей независимости. Я пишу тебе с просьбой рассмотреть изложенные ниже вопросы, хотя предполагаю, что ты тоже о них уже думал. Большинство их я письменно или устно задал Эркко, но это письмо адресовано только тебе.

1. Наши отношения с Россией и гарантии, которые требуют русские.

Прежде всего, я хотел бы выразить свою радость по поводу того, что об этом в прошлую субботу написала „Суомен сосиалидемократти“[5]. Это была хорошая статья.

Я очень обеспокоен, что наши отношения с Россией плохие. Пусть они и „корректные“, но требуется нечто большее. Я считал, что назначение Холсти министром иностранных дел может быть оправдано доводом, что он, возможно, способен улучшить наши отношения с Россией. Потому что вряд ли можно предположить, что русские опасались, что

[5] Суомен сосиалидемократти – партийный орган финских социал-демократов.

Холсти задумает войну против России. У него также были отношения с Литвиновым, с которым он встречался в Женеве. Но теперь стало очевидно, что он ничего в этом направлении не добился. Что бы мы ни думали о России, мы не исходим из того, что она является нашим великим соседом. Принцип „старых финнов“ заключается в том, что в отношениях между народами необходимо учитывать насильственно-военные политические факторы и руководствоваться данным Богом здравым смыслом. Этот принцип по-прежнему имеет силу.

Первый вопрос таков: *Каковы намерения русских в отношении Финляндии?*

Маннергейм, которого очень беспокоят требования России о гарантиях, заявил, что, по его мнению, русские явно намерены завладеть побережьем Финского залива, чтобы тем самым иметь возможность доминировать в этом районе. Кроме того, надо помнить старый тезис, что Россия стремится к Атлантическому океану. Эти намерения могли бы объяснить стремление России изолировать Финляндию от скандинавских стран. Что еще может возразить Россия против скандинавской политики Финляндии? Или у русских действительно ограниченные цели, или они обеспокоены собственной безопасностью, например тем, что на них нападут через Финляндию? Однако в последнем случае непонятна попытка помешать сотрудничеству между Финляндией и Швецией.

Однако, если у России есть более широкие цели, она, разумеется, их не афиширует. В любом случае одной из важнейших задач является не только установление некоего сосуществования между Россией и нами, но и улучшение наших отношений с Россией. В шведских правительственных кругах это также считается очень желательным.

Мудро ли мы поступили прошлой зимой, когда русские подняли вопрос об островах в Финском заливе? Малые острова, кроме Суурсаари[6], для нас никакого значения не имеют, а для России, как мне сказали эксперты, они имеют лишь оборонительное значение. Я не могу судить, можно ли было тогда заключить с Россией какое-либо соглашение (в том числе по Аландским островам) ради улучшения отношений.

Вопрос в том, что можно сделать, чтобы улучшить наши отношения с русскими и завоевать их доверие, чтобы прояснить намерения России по отношению к нам?

У тебя есть и определенные каналы связи с русскими. Не мог бы ты что-нибудь предпринять? Что ты об этом думаешь?

2. (К вопросу об Аландах.)

3. Мы хотим проводить независимую политику нейтралитета вместе с другими Скандинавскими странами. Но если это невозможно (это зависит от России) и приходится думать о военном конфликте, то неизбежно и автоматически встает вопрос о военной помощи. Но добиться этого мы можем

[6] Суурсаари – Гогланд.

только от противника России. Получим ли мы ее – это другой вопрос. Все, что я хотел бы здесь сказать, – это то, что будет необходима полная переориентация нашей политики, *если* нынешняя независимая политика скандинавского нейтралитета, которую я всем сердцем поддерживаю, станет для нас невозможной. А это именно то, что вряд ли совместимо с интересами России и их пониманием. Так что на данный момент русская политика по отношению к нам прямо противоположна той, какой она должна быть, потому что она, несомненно, должна была бы поддерживать нашу скандинавскую политику.

Мне кажется, у нас было бы много тем для разговора с русскими, *если бы* мы имели возможность с ними что-то обсудить. Пожалуйста, подумай, можешь ли ты каким-то образом донести до них эту точку зрения. Мы должны что-то предпринять».

26 июля 1939 года Таннер мне ответил, что он согласен со мной, что отношения между Финляндией и Советским Союзом не всегда были такими, какими могли бы быть. С нашей стороны не было сделано ничего, что могло бы привести к улучшению. Мы часто вели себя прямо вызывающе, писали и говорили о Советской России пренебрежительно. Этому необходимо положить конец. Русские также говорили о неприкрытом дружелюбии к немцам, которое проявлялось в нашей прессе, в выступлениях представителей общественности и особенно во время визитов военных в Германию. След-

ствием этого было то, что русские считали нас ненадежными и обвиняли в том, что мы – союзники Германии. Он, со своей стороны, сказал Таннер, твердо убежден, что нынешняя Россия думает не о завоевании, а только о собственной защите. Это касается и отношения России к Финляндии. Переговоры, продолжавшиеся год, были нацелены на небольшие острова в Финском заливе. Если бы эти требования были удовлетворены, Россия заплатила бы хорошую цену в виде торгового соглашения, а также предоставила бы нам еще одну территорию у границы. По мнению Таннера, исполнение пожеланий России относительно островов было возможным, даже если бы общественность подняла довольно большой шум. «Я верю в дальнейшее существование независимости Финляндии и не верю, что ей угрожает опасность, – писал в заключение Таннер. – Главный вопрос заключается в том, как в сложившейся ситуации следует себя вести. Когда приходит война, экономика, естественно, становится ее жертвой. Однако в войну я не верю. Мир не может быть таким глупым».

В своем ответе от 5 августа 1939 года я сказал, что в целом разделяю это мнение, только оцениваю ситуацию несколько пессимистичнее: «Я не настолько, как ты, верю в отсутствие у России захватнических намерений. Во всяком случае, последние события показали, что Россия хочет превратить нас, как Латвию и Эстонию, в своеобразное вассальное государство, а это дело уже серьезное. Почему Россия хочет вмеши-

ваться в наши дела со Скандинавскими странами?

Развитие событий последних лет показывает явную тенденцию против малых государств. В предыдущие годы маленькая Швеция могла играть большую роль, но теперь этому пришел конец. После Первой мировой войны, казалось, началось новое развитие. Возникло множество новых малых государств. Но теперь, после участи, которая некоторое время назад постигла Грузию и Азербайджан, завоеванные большевистской Россией, недавно с карты исчезли еще четыре государства – Абиссиния, Австрия, Албания и Чехословакия, а ряд других уже являются вассалами или рискуют таковыми стать. Сегодня в политической сфере малым государствам слово не предоставляется, потому что большие делают с ними все, что хотят. Московские переговоры это достаточно ясно показывают. Трудно сказать, в какой „протекторат“ превратятся малые государства, если так будет продолжаться.

Я по-прежнему считаю, что существование малых государств зависит главным образом от моральных факторов. Если нам не удастся убедить мир, что малые народы имеют право жить своей жизнью и что это также отвечает интересам больших народов и человечества, нас, малые государства, ничто не спасет.

Выше я говорил о защищающих малые государства моральных факторах. Но поскольку такой ситуации пока не существует, у нас, на мой взгляд, нет другого выхода, кроме

как быть готовыми к собственной самообороне».

В этой связи я добавил, что внешнеполитическое положение нашей страны не только необыкновенно ухудшилось, но, по моему мнению, теперь хуже, чем когда-либо прежде, – по крайней мере, хуже, чем в 1918 году, когда Россия лежала в руинах.

«Ты в войну не веришь. Эркко, кажется, того же мнения. Я просто надеюсь, что вы правы. Жаль, ты не можешь свое мнение обосновать. Ты говоришь, что мир не может быть таким глупым. Как можно такое говорить, став свидетелем всех событий с начала этого века? Где ты видел, чтобы за последние четыре десятилетия возобладал разум?

Парламентские политики в этих вопросах часто ошибаются. Недавно я прочитал, что премьер-министр Норвегии Гуннар Кнудсен, несмотря на предупреждение экспертов, 17 февраля 1914 года заявил в норвежском стортинге: „Мировой политический небосклон сегодня безоблачнее, чем когда-либо на протяжении многих лет“ (!!). А у нас есть Брантинг, а также Стаафф, давшие оценку ситуации зимой и весной 1914 года? Помнишь, как в 1910 или 1911 году Лео Мехелен иронически спрашивал в парламенте графа Берга (тогдашнего сенатора по транспорту) во время дискуссии о Невском мосту, каких граф и сенатор ожидают крупных войн? Я сам дважды ужасно ошибся. Первый раз это произошло в 1904 году во время Русско-японской войны, о которой Витте сказал: „Бессмысленная война“, а затем с началом ми-

ровой войны в 1914 году, которую Витте назвал „Cette stupide aventure“.[7] Теперь я уже не так тверд в своей вере.

Если меня не обманывает мое скромное разумение, карта Европы и мира сейчас пересматривается. Я не знаю, какой здесь верховодит гегелевский „мировой дух“. В любом случае восемьдесят миллионов немецкого народа объединились и стремятся к господствующему положению в Европе и такому же положению за пределами Европы, как Англия и Франция. Англия, с другой стороны, придерживается своей старой политики баланса в Европе и своего превосходства за пределами Европы. Проблемы такого рода мирным путем не решаются. Мы оба выросли в условиях либеральных идей капитализма и социализма, когда еще принято было считать, что решающее значение имеет разум. Вот почему нам так трудно понять нынешнюю мировую тенденцию. Единственное, что мне ясно, – это то, что все обернулось иначе, чем думали.

Никто не может сказать, будет война или нет. На мой взгляд, аргументов за войну больше, чем против нее. В этих обстоятельствах мы можем только попытаться подготовиться к худшему. Если войны удастся избежать, тем лучше. Тогда наши дорогостоящие страховые взносы исчезнут, но мы ничего не сможем с этим поделать».

Таннер также хотел выразить свою веру в бессмысленность войны и в качестве главы государственных финансов.

---

[7] Эта глупая авантюра *(фр.)*.

Отсюда мой комментарий по поводу страховых взносов и моя мысль, что мы должны быть готовы к худшему. В сентябре 1939 года, защищаясь от нападок на провалы правительства, Таннер повторил в парламенте: «Никто не мог подумать, что руководители великих держав настолько глупы».

Мой друг Таннер был не единственным, кто считал, что война, вершина глупости, в цивилизованном человечестве невозможна, а следовательно, независимость Финляндии не находится под угрозой. Такого же мнения придерживалось подавляющее большинство финского народа. Среди малых цивилизованных народов, и в особенности среди скандинавов, глубоко укоренились идеи права и гуманности. Нашей природе чужды и непонятны акты насилия.

В нашем народе трогательно прочно и глубоко жили наивное доверие к злому миру, вера в закон, справедливость и правое дело, а также в разум. Среди малых наций не менее прочно, чем среди великих держав, утвердились оптимизм и убежденность в праве на собственную, независимую жизнь. Считалось само собой разумеющимся, что нам нечего бояться. Сегодня это кажется странным, когда читаешь то, что мы написали с тех пор, как стали независимыми. «После мировой войны никто больше не может сомневаться в праве малых народов на существование», – писал, правда в первом порыве энтузиазма, профессор истории и политик Вяйнё Войонмаа в 1919 году. Однако он ни в коем случае не забыл о политических трудностях. Как и другие финны, он

верил в силу международного права, в Лигу Наций и в заключенный с Россией договор. Он также считал, что Россия навсегда оказалась оттесненной в самый дальний угол Финского залива. Восточную Карелию следует объединить с Финляндией и мирным путем создать Великую Финляндию – Россия на это согласится, потому что это справедливо. Мурманскую железную дорогу следует передать под международное управление.

В таком идиллическом мире фантазий люди жили не только в начале 1920-х годов, но и долгое время спустя. Профессор Ю.Х. Веннола, сыгравший важную во время нашей независимости политическую роль – он, помимо прочего, дважды был премьер-министром и один раз министром иностранных дел, – с искренней уверенностью писал: «Те империалистические элементы, которые мечтали о Великой России, не вернутся никогда. Возможности большевиков расширить свою власть в значительной мере уменьшились». В другом месте сказано: «Нам еще не хватает твердой веры и мужества, чтобы осмелиться заявить, что наша независимость – это факт, основанный на праве наций на самоопределение, и покушение на эту независимость является преступлением».

Хотя слабость Лиги Наций начала проявляться в 1930-х годах, однако в границах Старой Европы к этому относились не так серьезно. В особенности в 1920-х и даже в начале 1930-х годов у нас укреплялось убеждение, что России нече-

го бояться уже потому, что Красная армия непригодна для агрессивной войны. Более того, считалось, что русская история доказывала, что России с агрессивными войнами никогда не везло. Каждая такая война пагубно влияла на внутреннюю ситуацию в России. Считалось, что все это должно было удержать Россию от нападения. Таково было обоснование, опирающееся, однако, только на две войны. Для великой державы агрессивная война против небольшого государства является лишь второстепенным предприятием, на которое она может решиться вполне безопасно и с большими видами на успех. Так и произошло, когда Финляндия подверглась нападению Советского Союза в 1939 году.

У нас также не учитывалось, что два десятилетия, когда Советский Союз был по горло занят своими внутренними делами и не мог играть во внешней политике сколько-нибудь серьезную роль, был в истории России как великой державы исключительным и временным. Тем не менее мы еще в 1920-х годах слышали предостерегающие голоса. В заявлении о реорганизации нашей армии 1926 года было ясно указано, что достижением независимости мы обязаны исключительно слабости тогдашней Российской империи и только внутренние и внешние трудности Советской империи обусловили, что нам до сих пор не пришлось воевать для защиты своей независимости.

В конце 1930-х годов время кажущейся слабости России осталось позади. Советский Союз восстановил статус России

как великой державы. Но в Финляндии никто изменившуюся ситуацию в расчет не принимал. Люди жили в мире грез, наивно выдавая желаемое за действительное и твердо веря в свои законные права. В этом духе были составлены директивы для моих московских переговоров. Поэтому они были весьма ограниченными. Право было на нашей стороне, но хватало ли нам также мудрости и благоразумия?

Поскольку советское правительство не объявило, какие будут обсуждаться вопросы и какие советское правительство сделает Финляндии предложения, консультации в Хельсинки до моего отъезда носили главным образом общий характер. В ходе зондажа, который по инициативе правительства Советского Союза прошел в Хельсинки зимой 1939 года, как я уже писал, речь шла об отдельных островах в Финском заливе. Кроме того, Деревянский пояснил Эркко, что Советский Союз хотел урегулировать ситуацию в регионе Балтийского моря таким образом, чтобы он мог владеть ситуацией в нем.

Директивы – они были опубликованы в финской «Синебелой книге» (часть I, с. 44–47) – начинались с замечаний общего характера. Предпосылками политического положения Финляндии были ее многовековые границы и тот факт, что одно и то же население жило в этой стране из поколения в поколение, обрабатывало эту землю и своим трудом создавало независимую финскую нацию и форму цивилизации. Целью этой констатации было доказать наше моральное

право жить в мире в пределах наших исконных границ, поскольку мы не хотели никому мешать или причинять вред. Все это, конечно, было абсолютной правдой, однако в переговорах с крупными державами подобные моральные аргументы неуместны.

В директивах также говорилось, что отношения между Финляндией и Советским Союзом окончательно урегулированы и закреплены межгосударственным Тартуским мирным договором от 14 октября 1920 года. Кроме того, 21 января 1932 года между двумя странами был заключен договор о ненападении, а 3 июля 1933 года – дополнительный договор, определявший термин «нападение».

Договорные соглашения между Финляндией и Советским Союзом были совершенно ясными. В них не было никаких пробелов. Юридически и морально положение Финляндии было абсолютно безопасным.

Более того, данные мне директивы включали заявление о том, что главной целью финской внешней политики было обеспечение мира.

Это и сохранение нейтралитета, который Финляндия готова в случае необходимости защищать силой оружия. Также было заявлено, что Финляндия просто вследствие своих небольших размеров не может представлять угрозу ни для одной другой страны. Мне пришлось занять явно негативную позицию по всем предложениям, которые могли подорвать политическую позицию Финляндии или ее политику

нейтралитета. Что касается любых предложений Советской России, касающихся территориальной или государственной целостности, я не имел права давать обещания, противоречащие конституции Финляндии. Следует подчеркнуть, что договор подлежал одобрению финским правительством и ратификации финским парламентом.

Если бы Советский Союз выступил с предложениями о создании баз на материковой части Финляндии или, например, на Аландских островах, то их следовало отвергнуть и отказаться от их обсуждения. То же самое касалось и изменения границы на Карельском перешейке. Не рассматривались предложения об уступке портов в любой форме. Готова Финляндия была лишь обеспечить осуществление экономических транзитных перевозок. Указывалось, что Финляндия предложила Советскому Союзу заключить торговое соглашение.

В поднятом Советским Союзом прошлой зимой вопросе об островах Финского залива Суурсаари должен был оставаться за пределами обсуждения. В качестве «крайних уступок» подлежали рассмотрению три небольших острова – Сейскари, Лавансаари и Тютарсаари – при условии, что соглашение может быть достигнуто на основе взаимности и ожидаемая Финляндией компенсация докажет в глазах мировой общественности, что это разумное регулирование.

Если Советский Союз выступит с предложением о заключении пакта о взаимопомощи, он должен осознавать, что та-

кой пакт будет противоречить политике нейтралитета Финляндии.

Главной целью первых переговоров было выяснить, что нам предложит Советский Союз. Устно мне дали важное указание, что ни при каких условиях переговоры не подлежат срыву.

Глава 3
Советский Союз в 1939 году

В 1939 году Советский Союз был влиятельным игроком в международной политике. Обе великие державы соперничали за его благосклонность.

Но как выглядел Советский Союз на самом деле? Что за последние 22 года произошло в этой великой империи? Развивалась ли она и если развивалась, то насколько? Какова экономическая и военная мощь и внутренняя стабильность Советского Союза? За границей обо всем этом было смутное представление. В Финляндии ясное понимание этого тоже отсутствовало, хотя мы приграничные соседи Советского Союза и в силу наших старых связей знали Россию лучше большинства других народов. Создавалось впечатление, что о существовании великого неведомого хотели забыть. «Советский Союз не только в политическом, но и в экономическом отношении оставался сфинксом», – писала в ноябре 1941 года одна влиятельная немецкая газета. В силу своего рода интеллектуальной лени не удосужились точно определить, что такое Россия на самом деле. Отдельные прекрасные картины условий жизни в Советском Союзе, рисуемые преимущественно приезжими из России левыми социалистами, можно назвать преувеличенными даже после беглого изучения. Но с другой стороны, впадали в противополож-

ную крайность. «В среде официальных и полуофициальных представителей Советского Союза воцарилась такая система лжи, подобной которой еще не видели. Если мы не хотим оказаться полными глупцами, нам надо исходить из того, что любое благоприятное изображение Советского Союза ложно». Так в 1924 году писал Вернер Зомбарт[8].

Известно, что в России произошла революция, перевернувшая общество до основания. Поэтому считалось, что из такого хаоса, связанного с большим кровопролитием, вряд ли могло получиться что-то хорошее.

Известный швейцарский философ истории Якоб Буркхардт на основании опыта старой и новейшей истории в своих лекциях 1868 и 1870–1871 годов, только после его смерти изданных отдельной книгой «Размышления о всемирной истории», описал ход революций следующим образом: «Необходимость в такие времена добиться успеха любой ценой вскоре приводит к полному безразличию к средствам и полному забвению принципов, о которых говорилось вначале, и, таким образом, мы приходим к… терроризму, который, как правило, в самом начале использует для своего оправдания популярный предлог внешней опасности, в то время как сам он рождается из взвинченной ярости против почти неуловимого внутреннего врага, так же как и из потребности в получении легких средств управления и, конечно же, из растущего осознания численного превосходства его противни-

[8] *Sombart W.* Der proletarische Sozialismus, v. I, s. 471–472.

ков… В дальнейшем существование террора становится само собой разумеющимся, поскольку в случае его ослабления сразу же последует воздаяние за все уже совершенное. Для такого искаженного взгляда на вещи полное уничтожение противника кажется единственным спасением, и не должно быть пощады ни детям, ни наследникам, colla biscia muore il veleno[9]. Когда всех охватывает настоящая жажда охоты за призраками, уничтожению подвергается определенная категория людей в соответствии с установленным принципом их отбора. В то же время величайшие массовые бойни, анонимные и осуществляемые наугад, дают только ограниченный эффект, поскольку проводятся от случая к случаю, а названные выше казни повторяются и могут быть бесконечными»[10].

В общих чертах эта схема Буркхардта, по-видимому, применима как к русской революции, так и к французской.

Большевистская революция по своему размаху была масштабнее и глубже французской, потому что всколыхнула общественные отношения до самого основания. Однако ход большевистской революции трудно осудить резче, чем ход Великой французской революции, с которой тем не менее начинается новый отрезок истории.

Не во всех странах прогресс сопровождался такими кровавыми жертвами. Революции в Англии были довольно

---

[9] Яд умирает со змеей (wm.).

[10] *Burckhardt J.* Weltgeschichtliche Betrachtungen herausgegeben von Rudolf Marx, s. 178–179.

незначительными по сравнению с французской и русской революциями. Однако Англия, как никакая другая страна, всегда была в авангарде человеческой цивилизации. Там тоже были внутренние войны и, во времена Кромвеля, Великая революция, на полтора столетия опередившая французскую. Английский историк пишет: «Как кавалеры[11], так и круглоголовые[12] выгодно отличались от идейных эмигрантов и якобинцев времен французской революции. Английская гражданская война[13] означала не окончательный крах обветшалого общества в атмосфере хаоса, порожденного классовой ненавистью и алчностью, а борьбу политических и религиозных идеалов, которая разделяет каждое сословие в социально здоровой и экономически процветающей стране»[14].

Некоторые историки считают гениальными те народы, которые совершают великие и кровавые революции по примеру французского и русского народа[15]. Возможно, с равным успехом можно считать гениальными народы, способные революций избегать и найти какой-то изъян у тех, кто не смог организовать свою жизнь без чрезмерных потрясений.

В результате революции в России, как нам известно, по-

---

[11] Роялисты.

[12] Пуритане, парламентская партия.

[13] Английская буржуазная революция.

[14] *Trevelyan G.M.* History of England. Part II. London, New York, Toronto, 1926, s. 406.

[15] *Breysig K.* Von geschichtlichen Werden. Bd. Ill, s. 365–367.

явилась «марксистская, коммунистическая система и диктатура пролетариата». Согласно либеральным воззрениям, такая система, в которой «экономические законы» по большей части отодвинуты на второй план, неустойчива. Она должна рухнуть в силу своей невозможности. Рано или поздно следует ожидать краха или постепенного изменения, которое приведет к длительному периоду ослабления, «обуржуазивания». «Огромная империя на Востоке готова пасть», – убеждал Гитлер в своей книге «Майн кампф». Это убеждение провозглашалось видными политиками Запада еще в конце 1920-х годов. В любом случае с помощью такой системы Советская Россия ни в коем случае не сможет создать сильную экономику и крепкое государство. Эта точка зрения, по моим наблюдениям, была довольно распространенная во многих странах.

Кроме того, известно, что Россия – страна многонациональная. Так что противоречия и слабость заложены на национальном уровне. В результате наряду с предполагаемой социальной и экономической слабостью должна была проявиться и национальная неустойчивость. К тому же вожди вели между собой ожесточенную борьбу («чистки»). Таким образом, Советская Россия не могла быть ничем иным, как хрупким государством – так называемым «колоссом на глиняных ногах».

Но большевики смогли удержаться. Советский Союз не развалился. Ленин спас революцию, а Сталин, строитель им-

перии, снова поставил Россию на ноги и сделал ее могущественной. Еще в 1922 году Советская империя простиралась от Северного Ледовитого океана до Черного моря и от Балтийского моря до Тихого океана. После нападения Германии Советская Россия продемонстрировала необычайную военную мощь, несравненно большую, чем у царской России. Мир с удивлением наблюдал за эпической борьбой Советской России. Как это объяснить? В литературе, с которой мне удалось ознакомиться, я удовлетворительного объяснения не нашел. Со стороны невозможно было даже проследить за развитием событий, чтобы получить ясное представление о достигнутых Советской Россией успехах. Хотя у многих больших и малых государств были в Москве официальные представители, общая неверная оценка русско-советских условий и силы страны не позволила дипломатам дать удобоваримые отчеты. И то ужасное положение 1939 года, когда мир в полном отчаянии оказался перед лицом неописуемой кровавой бойни, едва ли можно считать удовлетворительным свидетельством дипломатических и внешнеполитических способностей.

Даже такой знаток России и русской души, как Томаш Масарик, будущий президент Чехословакии, не смог правильно оценить Россию большевиков. В апрельском меморандуме 1918 года он выдвинул правильное мнение, что большевики останутся у власти дольше, чем полагали их оппоненты, но предполагал, что они падут из-за своего «политиче-

ского дилетантизма». Неверными оказались и другие мысли и пророчества Масарика[16].

Бывший посол США в Москве Джозеф Э. Дэвис, который не был кадровым дипломатом, в 1937–1938 годах заявил, как показывают его опубликованные отчеты, что экономическая, социально-политическая и военная мощь Советского Союза намного больше, чем в целом принято считать. Однако его главное объяснение этого успеха, заключающееся в том, что Советский Союз во многих случаях фактически отказывался от принципов коммунизма, вряд ли является достаточным. Ни одна экономическая система, даже либеральная, на практике не предстает в абсолютно чистом виде, отличаясь от теоретической модели так же сильно, как система большевиков.

Я не собираюсь разгадывать здесь «загадку Советской России», например выяснять, как происходило и могло происходить строительство огромной страны и мощного государства. У меня для этого недостаточно материала. Следует лишь отметить, что, по-моему, достижения советской системы объясняют огромные природные ресурсы Советской России. В более бедных странах ситуация развивалась бы иначе. Однако, похоже, за границей, под влиянием собственных экономических догм, давали излишне одностороннюю оценку Советскому Союзу и ситуации в нем. В экономических и общественных системах меньше безоговорочного, аб-

[16] *Masaryk T.G.* Die Weltrevolution, s. 212–216.

солютного и больше относительного, релятивистского, чем мы привыкли считать. «С помощью советской системы было доказано, что социалистическое государство может существовать и выполнять задачи, необходимые для его существования», – сказал американский профессор экономики Келвин Б. Гувер, предпринявший в 1929–1930 годах поездку в Россию с исследовательскими целями. «Прежде обычно считалось, что социалистическое государство вообще не может решить свои задачи. Такая точка зрения больше невозможна. Совершенно другой вопрос: при каком строе – социалистическом или капиталистическом – люди живут *лучше»*[17].

В 1920-х и даже в начале 1930-х годов Советский Союз не играл активной роли великой державы в международной политике. В то время он был занят строительством социалистической экономики и социалистического государства в своих границах на руинах, оставленных мировой и гражданской войнами. Однако из-за своих размеров и положения Советская Россия является настолько важным фактором, что ее невозможно упустить из виду. Даже в состоянии слабости она все равно доставляла достаточно неприятностей и проблем другим европейским государствам.

В мою задачу не входит здесь более подробное описание запутанных отношений Советского Союза и других государств в 1920-х годах. С обеих сторон были постоянные

[17] *Hoover C.* The Economic Life of Soviet Russia, s. 337.

просчеты и ряд ошибок, причем, вероятно, даже в меньшей степени со стороны Советского Союза. Изучение этих ошибок представляет определенный интерес. С другой стороны, неудивительно, что руководители западных держав, занятые приведением в порядок хаоса, оставленного Первой мировой войной, находятся в недоумении перед новым и весьма примечательным феноменом Советской России, не понимая, как к нему относиться.

Первый этап заключался в полном разрыве отношений и отправке пусть и небольших сил на завоевание русских советских территорий, а затем в незначительной поддержке белых генералов. И то и другое было ошибкой. Затем последовал полный разворот: начались переговоры с большевиками. Считалось, что Советский Союз будет вынужден подписать продиктованные западными державами договоры, касающиеся, среди прочего, долгов бывшей России и насильственно конфискованного иностранного имущества. В целом полагали, что большевиков надо «приручить».

Новая экономическая политика (нэп), введенная Лениным в 1921 году, считалась концом революции, «термидором» Советского Союза. Все это обсуждалось на конференциях в Генуе и Гааге, но опять же выводы оказались неверными, потому что Советский Союз и не думал соглашаться на продиктованные там требования. Затем наступил еще один поворотный момент. Советский Союз был признан без каких-либо условий, и были предприняты усилия по уста-

новлению с ним торговых отношений. Считалось, что одним выстрелом убивают двух зайцев: торговля с Советским Союзом эффективно содействовала бы возрождению экономики Европы после опустошительной мировой войны, а экономические контакты с внешним миром «приручат» большевиков. Но и это оказалось просчетом: значение торговли с Советской Россией для Европы было преувеличено, и никаких признаков «обуржуазивания» Советской России не отмечалось. Напротив, коммунизм становился все более радикальным.

Руководители Советского Союза проводили собственную политику. В первые годы определяющей для их позиции была идеология необходимости *мировой революции,* при этом преобладало мнение, что эта революция разразится и в других странах очень скоро. Изначально политика Ленина основывалась на этом. Как только советская система будет принята другими странами, они объединятся и образуют федерацию советских государств – так, по крайней мере, думал Ленин. На III Всероссийском съезде Советов 31 января 1918 года он сказал: «Только что стоило, например, финляндским рабочим и крестьянам захватить власть в свои руки, как они обратились к нам с выражением чувства верности мировой пролетарской революции, со словами привета, в которых видна их непоколебимая решимость идти вместе с нами по пути Интернационала. Вот основа нашей федерации, и я глубоко убежден, что вокруг революционной России

все больше и больше будут группироваться отдельные различные федерации свободных наций». Чтобы разжечь революцию и организовать советские государства в других странах, Ленин в 1919 году создал Коммунистический Интернационал – Коминтерн, главной целью которого было, среди прочего, образование федерации союзных советских республик. Еще на VI конгрессе Коминтерна в 1928 году, согласно утвержденному обновленному уставу, его задачей было, среди прочего, «создание всемирной федерации советских республик». «Большевики ожидали возникновения нового мира, в котором Москва будет великим Римом»[18].

Эти большевистские надежды были их первым просчетом. Из революции в других странах или всеобщей мировой революции ничего не вышло. Но пропаганда Коминтерна – параллельная политика советского правительства – принесла немало проблем и трудностей. Вскоре в Кремле поняли, что «капитализм стабилизировался», а надежды оказались тщетными, хотя вера в неизбежность революции, которая рано или поздно должна произойти, никуда не делась.

Точно так же как «буржуазные» государства переоценивали важность торговли с Советской Россией в 1920-х годах, так и советские руководители полагали, что Европа и мир не смогут экономически существовать без Советской России. На основе этих рассуждений они вначале думали, что могут потребовать от западных держав крупные креди-

[18] *Dennis A.L.P.* The Foreign Policies of Soviet Russia, s. 340.

ты. Это была ошибка. Хотя с экономической точки зрения богатая природными ресурсами Россия и была важным и полезным фактором, но отнюдь не незаменимым. Четверть века это доказала. Остальные государства отвергли требования советского правительства. Напротив, Советский Союз в своем развитии получал экономическую поддержку от частных иностранных компаний, главным образом из Германии и США: с одной стороны, специальные знания, привезенные с собой техническими экспертами, и с другой – кредиты. Однако вскоре большевистские вожди осознали, что достаточный иностранный капитал даже отдаленно невозможно получить на приемлемых для них условиях. Приходилось работать с расчетом на собственные силы и средства. Этим они и занялись, жестко и последовательно снижая уровень жизни русского народа, а сэкономленные деньги направляя на создание основ промышленности. Такое строительство Советской страны, осуществлявшееся преимущественно собственными силами, содействовало поднятию уровня самосознания руководителей и народа.

Большая работа по коммунистическому развитию Советского Союза в 1920-х и первой половине 1930-х годов предполагала, что государство будет избавлено от военных конфликтов. Это придало советско-русской внешней политике последовательность. Для построения марксистско-социалистического экономического и общественного порядка и укрепления власти государства – «коммунизма в одной от-

дельно взятой стране» – условием выживания было поддержание внешнего мира. В этом и заключалась цель политики Кремля. В русле этой политики были и усилия советского правительства по снижению градуса противостояния, заметные уже в 1920-х годах. Конечно, Коминтерн разжигал пламя коммунизма в других странах. Но, видимо, после того, как мировая революция откладывалась на более длительную перспективу, возникло желание использовать подстрекательство рабочих других стран для предотвращения возможного нападения на Советский Союз и поддержки благосклонной к Советской России политики. В этом отношении русская советская пропаганда дала результаты. Что, однако, не распространялось на пропаганду в неопасных для Советской России малых государствах, где она преследовала другие цели, особенно в соседних с Россией странах и в регионе ее старых экспансионистских устремлений – на Балканах. Революционные порывы первых лет вызывали общественный переворот и в крупных странах, когда почва для этого казалась благоприятной, как в Италии в 1920 году и в Германии в 1923 году. Тем не менее в Англии, например, безнадежность революций была очевидна, даже если Кремль считал, что сможет победить Британскую империю, подстрекая народы Азии.

Большевики крайне подозрительны. В Кремле укоренилось убеждение – возможно, еще с первых лет революции, во времена интервенции западных держав, – что буржуазные

государства постоянно вынашивали и готовили нападение на Советский Союз с целью уничтожения коммунизма. Это тоже было ошибкой. В буржуазных странах таких намерений не существовало, если не считать упомянутой выше весьма слабой и плохо организованной поддержки русских «белых генералов» в первые годы советской власти, особенно в 1919 году, а также помощь Франции Польше в 1920 году. Согласно господствовавшим в то время в западных странах либеральным взглядам, каждый народ имел право на жизнь по собственным представлениям о счастье, и вмешательство в его внутренние дела не считалось верным ни в теории, ни на практике. Европейские государства были настолько заняты отчасти своими делами, отчасти взаимными спорами, что у них не было времени на крупные зарубежные экспедиции. Также в 1920-х годах считалось, что гигантский эксперимент Советского Союза потерпит неудачу и Советская Россия рано или поздно рухнет или «обуржуазится». Между прочим, начиная с 1922 года Советский Союз был связан договорными обязательствами с Германией[19] и поддерживал с ней определенный уровень сотрудничества, посредством которого Германия надеялась обезопасить себя от западных держав и пересмотреть Версальские соглашения. Эта надежда, конечно, оказалась необоснованной.

В 1920-х и первой половине 1930-х годов внимание Советской России было полностью сосредоточено на внутрен-

[19] Имеется в виду германо-советский Рапалльский договор от 16 апреля 1922 г.

них проблемах. Во внешней политике она все еще переживала период бессилия. Хуже всего, что эта продолжавшаяся более десяти лет слабость внешней политики породила за рубежом мнение, что такое положение представляет собой нормальное состояние Советской России и считаться с Советским Союзом в международной жизни следует лишь как с распространителем коммунистической пропаганды. Не понимали, что эта слабость была временным этапом в истории России.

В 1930-х годах ситуация изменилась. К середине 1930-х годов Советская империя в значительной степени развила свою экономику, в особенности тяжелую промышленность и основывающуюся на ней военную промышленность (пятилетки), провела реорганизацию вооруженных сил. Все это еще больше увеличило значение Советского Союза, поскольку на рубеже десятилетий и в последующие годы Европе и остальному миру пришлось бороться с серьезным экономическим кризисом. Советский Союз уже был не тем, что в 1920-х годах. Уинстон Черчилль, описывавший в своей книге о войне Советскую Россию как «замерзшую в вечной зиме под властью нечеловеческих доктрин и сверхчеловеческой тирании», уже в 1932 году считал ее «одним из наиболее гигантских факторов в мировой экономике и в мировой дипломатии». Наконец в 1933 году Соединенные Штаты, с которыми Советский Союз долго стремился выстраивать отношения и с которыми он уже с 1920-х годов через отдельные

американские компании находился в достаточно широких и полезных для себя связях, приняли решение о его правовом признании. Самосознание кремлевских вождей и народа Советской России, ощущение силы великой державы и гордость за нее еще больше выросли. «В наше время со слабыми не принято считаться – считаются только с сильными», – заявил Сталин на съезде партии в январе 1934 года.

Рядом с коммунистической идеологией все больше поднимал голову русский патриотизм. Изначально Ленин был безразличен к русскому национализму. Он был марксистом-интернационалистом. Но не был лишен русского патриотизма, касавшегося, разумеется, только социалистического отечества. В 1918 году, после Брестского мира, который он воспринял весьма болезненно, он заговорил о «защите отечества», «отечественной войне» и о том, что большевики решили – он употребил старое слово «Русь», – «чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной». «Мы оборонцы с 25 октября 1917 года. Мы за защиту отечества», – сказал он. «Любовь к советскому отечеству», «патриотизм» становились в 1930-х годах все более привычными словами. Период слабости Советской России уходил в прошлое.

У великих держав, похоже, свой особый закон развития. Руководящим принципом их поведения служит политика силы. Империализм присущ не только Советскому Союзу. Все великие державы являются или по крайней мере до се-

годняшнего дня были империалистическими. Кажется, это часть их сущности. Империализм, по определению, – это жадное стремление народов и правителей ко все большей доле мирового господства. Считается, что это проявление неудовлетворенности и постоянного стремления человеческого сердца, олицетворяющее новую страсть больших народов после того, как прежняя, национальная идея обрела воплощение. Поэтому особенно удивляться империализму Советского Союза не приходится.

В первой половине 1930-х годов в Европе появился новый фактор, заставивший Советский Союз отказаться от прежней изоляции и окунуться в активную внешнеполитическую деятельность, возможно несколько преждевременно, не полностью освободив руки от внутреннего коммунистического строительства. Этим фактором стал подъем в Германии нацизма и окончательный захват им власти в 1933 году. Кремль осознавал, что это очень серьезная опасность для Советского Союза. В европейской политике началась новая эра. Гитлер хотел добиться гегемонии Германии в Европе и завоевать «жизненное пространство» на Востоке. Нет сомнения, что Москва была проницательнее и дальновиднее Лондона и Парижа. В январе 1934 года Сталин отметил, что к власти в Германии пришла «новая политика», «напоминающая то направление, которое угрожало России в Первой мировой войне и которое отличалось от прежней политики, закрепленной в договоре между Советским Союзом и Герма-

нией». Западные державы – Англия и Франция – согласились с требованием Германии исправить наиболее тягостные для нее положения Версальского договора (возвращение Саарской области и повторная оккупация Рейнской, восстановление вермахта и даже аншлюс Австрии). И наконец, в Мюнхенском договоре они согласились на расчленение Чехословакии и объединение южногерманских территорий с Германией, что означало серьезное нарушение территориального единства и независимости Чехословакии. Западные державы заключили с Гитлером Мюнхенский договор, чтобы сохранить в Европе мир. Результат этого рокового договора оказался прямо противоположным.

Кремль сделал выводы со своей точки зрения ранее, сразу после прихода к власти национал-социалистов. Ему было тем легче определиться со своей позицией, так как Гитлер открыто заявил в своей книге «Майн кампф», что его цель – завоевать для Германии новую территорию на Востоке, то есть в Советской России. В этой книге также был установлен принцип, который был сомнительным для Советского Союза, согласно которому Германия не могла терпеть рядом с собой какую-либо другую крупную континентальную державу. С этого времени идея безопасности России перед лицом опасности, исходящей от энергично перевооружающейся Германии, похоже, оказалась на переднем крае политики Кремля. «Дело явно идет к новой войне», – заявил Сталин на съезде Коммунистической партии в январе 1934 года,

потом многократно возвращаясь к этой мысли.

Первоначально Советский Союз намеревался вместе с другими государствами предотвратить опасность, которую предугадывал. После того как в 1934 году стал членом Лиги Наций, Советский Союз принял лозунг «коллективной безопасности» и усердно работал над объединением членов Лиги Наций в единый фронт против Германии. В следующем году Советский Союз заключил с Францией и Чехословакией соглашение о помощи. Но Мюнхенский договор, который в 1938 году уменьшил размеры Чехословакии и не принял во внимание Советский Союз, похоже, убедил Кремль в неэффективности Лиги Наций и сильно встревожил его. Он считал себя изолированным и оставленным один на один с немецкой опасностью. Неизвестно, есть ли правда в том, что Германии была предоставлена свобода действий для завоеваний за счет Советского Союза и что немцы воспользовались этими уступками западных держав на московских переговорах 1939 года. Это хорошо соответствовало бы современным политическим процедурам. В любом случае Кремлю было сильное недоверие. «Никто уже не верит в елейные речи, что мюнхенские уступки агрессорам и Мюнхенское соглашение положили будто бы начало новой эре „умиротворения“», – заявил Сталин на съезде Коммунистической партии 10 марта 1939 года. В той же самой речи, где он не пощадил фашистов, западным державам высказывалось глубокое недоверие, что они сознательно хотели сделать Советский

Союз объектом агрессии со стороны Германии. Что касается завоеваний «государств-агрессоров», то есть Японии, Италии и Германии – Японии в Китае, Италии в Абиссинии, Германии в Австрии и Судетской области, – Сталин сказал, что главная причина такого развития событий «состоит в отказе большинства неагрессивных стран, прежде всего Англии и Франции, от политики коллективного отпора агрессорам, в переходе их на позицию невмешательства, нейтралитета»… «Пусть каждая страна защищается от агрессоров, как хочет и как может, наше дело – сторона, мы будем торговать и с агрессорами, и с их жертвами». «В политике невмешательства сквозит стремление, желание не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны глубоко увязнуть в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, выступить на сцену со свежими силами – конечно, „в интересах мира“ и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.